

ДУМАТЬ!

Душа моя, меня тошнит с досады - на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость, - долго ли этому быть?

*А.С. Пушкин - Л.С.Пушкину,
январь - начало февраля 1824 г.*

Унылая мгла заурядности обволакивает одну шестую часть планеты. Руководство - скорее, правда, инстинктивно, чем с обдуманном намерением (способно ли оно мыслить - проблематично!) - принялось с корнем драть культурные ценности, нащупывая более прочную для себя опору в духовной опустошенности и нравственном одичании обывателей.

Литература подменяется заведомой макулатурой. Проводится сокращение издательских планов и тиражей. Неудобные статьи, книги, номера журналов пускаются под нож, изымаются из библиотек. Писатели оттеснены чинами государственной безопасности. Изгнаны со сцены будоражащие спектакли. Талантливых режиссеров травят. Кинематография наша - в руинах, а вместо нее при полупустых залах показываются патриотические бессмыслицы, небылицы про чекистов и десятилетней давности заваль зарубежной массовой дешевки. Между прочим, по тому, какие фильмы отбираются сейчас для внутреннего проката из продукции мирового кино, можно хорошо разглядеть культуртрегерские чаяния руководства: ничего серьезного, ничего ставящего социальные или нравственные проблемы, конечно же, ничего, в чем запечатлелись новейшие искания современного духа. Про живопись нечего и говорить: она почти исчезла с

официальных выставок уже после хулиганского дебоша в Манеже, устроенного Хрушевым. Из научных институтов гонят ученых, для которых гражданский долг и смысл их профессии дороже государственных подачек за ничегонеделание. Недопущение интеллигентной молодежи к высшему образованию поднято на уровень государственной политики (боятся, как бы ни появилось мыслящее студенчество!).

И все это - с безудержным размахом, возможным лишь при победившем социализме, сосредоточившем все материальные средства общества в одних безответственных руках.

Но заблуждением и упрощением было бы думать, будто война, ведомая сейчас против культуры, - дело одного руководства. За долгие десятилетия, когда меньше всего ценилось качество - научное или художественное - расплодилось масса писателей, не владеющих словом; художников, компенсирующих свою неумелость или бездарность правозверностью тематики; ученых, не ведающих ничего, кроме нескольких предписанных формулировок. Они повсюду продвинуты на начальственные должности, образовав социально могущественный класс людей, для которых бескультурие - естественная среда обитания. В гонениях и культуру они всегда впереди, оказываясь в этом деле не только расторопными исполнителями, но и находчивыми активистами. Им только позволено, они бы сложили костры из книг. И вот им помаленьку позволяют...

Кроме того, у множества более сведущих специалистов беспринципность превратилась в нечто подобное привычному вывиху. Они на лету ловят начальственные веяния, готовые в любой момент сорваться, чтобы травить, вымарывать, прорабатывать и застраивать кого следует или что следует. Собственно, вся их квалификация заключается в приученности к "идейной борьбе". Прекратись эта борьба, и они окажутся не удел. Они-то, что-то знающие и что-то умеющие, оказываются главными проводниками государственных мероприятий по корчеванию культуры.

В итоге едва прозябшие после холодов сталинизма ростки общественного самосознания потопляются водяным напором вранья, тупоумия и косноязычия. От каждого добиваются, каждого запугивают, чтобы - замарался, чтобы - донес, предал или соврал, чтобы - переметнулся в становище ничтожеств, трусов и корыстолюбцев, людей легкого поведения, на все готовых.

Режим инстинктом чувствует свой духовный крах. Обстоятельства и факты жизни сплошь противоречат его хвастливым реляциям. Чтобы оградить себя от правдивого сознания происходящего, он стремится сохранить в целости обветшалые формулы, которые буквально ничего общего не имеют с тем, что происходит вокруг. Он хорошо знает, что любое приращение инициативы или проявление личностного подхода рушит официальное идеологическое построение, как картонный домик.

Нет ныне для режима врага закоренелей, страшней, а потому ненавистней, чем совесть. На нее - то негласно, под покровом уж не один год длящейся кампании "идеологического воспитания" интеллигенции, ведется травля, для нее трусливо и подло придумываются мытарства: клевета, аресты, заключения в сумасшедшие дома бессрочно, изгнание со службы сволчьим билетом при угрозе последующих обвинений в тунеядстве и ссылок.

Человеческая порядочность поставлена перед гнусным выбором между кнутом и пряником.

И каждый, кому повезло обрести в этой стране хоть крохи духовности, рискует растерять их в суматохе и толкотне напролом ломающегося, все менее застенчивого, все более наглеющего шкурничества. Шкурник возведен в ранг государственного человека. Для него, и только для него открыты шлюзы карьеры, привилегий, наград и почета. Он ныне, откормленный на партийных пайках и принаряженный в заграничный костюм, который добыт им в командировках за рубеж, бормочет о трудовых подвигах, о жертвах на благо

отечества, о борьбе за интересы угнетенных.

Как легко и просто можно пойти под давлением всех этих обстоятельств до состояния неизменно понукаемого человекоподобия, - столь обывшегося, что даже боли не испытывает от собственного ничтожества и постыдности! Лукавое стояние в сторонке, опасливое помалкивание, когда совесть велит говорить в полный голос, - не сходят даром. Стыдливо пряча глаза перед насильниками, становишься соучастником: так пал на наши головы позор вторжения в Чехословакию. Малейшая измена себе и другим, совершенная даже с осмотрительностью и вроде бы никому не во вред, губительна для личности. Она прилипает к человеку, извращая его чувства и реакцию, корежа волю. Рассудок угодливо подсунет оправдания и резоны: то время не пришло, то смысла нету, то для пользы дела нужно уступить. И вот, сам того не заметив, становишься таков, какому прежде руки бы не подал. Сколько уж мы насмотрелись на подобные преобразования!

Но духовный распад, утрата собственного "я", бесчестие неправедной службы кошмарнее для самосознательного человеческого существа телесных страданий и даже физического исчезновения. Этого не уразуметь преследователям-шкурникам, как не уразуметь кошке (будь она даже наделена возможностями разумения), почему это человеку отвратно и невыносимо лакомиться мышатиной. Естественное омерзение лишь обостряется их понуканиями.

В этом, и ни в чем ином - коренная причина разрыва культуры и интеллигенции как носительницы культуры - с руководством, с режимом. Не политические доктрины, не "идеологии", не партии и классы столкнулись здесь, а вовсе иное, более глубинное, самое глубинное: правда и лганье на

**Кого сегодня в России можно причислить к интеллигенции - это еще вопрос, подлежащий исследованию. Ясно только, что, например, рабочие Владимир Буковский или Анатолий Марченко - интеллигенты, а писатель Константин Федин или академик Келдыш - нет. Принадлежность к интеллигенции не определяется сейчас ни*
(продолжение на стр. 227)

потребу, честность и низменнейшего пошиба корысть, чувство справедливости, теплота человеческого участия и осатаневшая в трусливой мстительности жестокость; правосознание и беззаконие, наконец, чувство собственного достоинства и ощущение собственного ничтожества, возведенное в жизненный принцип.

Историческая коллизия замкнулась на личности; обязанность выбора поставлена перед каждым, кто обладает развитой способностью выбирать. От того, что выберет каждый, качнутся весы истории. Ведь это вздор, будто судьба страны и мира никак не зависит от поведения людей. Лучше не прятаться за эту лживую басню и понять меру собственной ответственности. Во всяком случае, сфера культуры целиком и полностью зависит от тех, кто эту культуру создает. И если сейчас рухнет культура, то не без прямого участия или хотя бы содействия молчанием со стороны служилых интеллигентов.

И тут нет промежутка, невозможен средний путь. Разве что противная сторона вынудится обстоятельствами к уступкам, - но откуда же ей, невежественной и сеющей невежество, набраться ума-разума, чтобы посчитаться с обстоятельствами?

Не интеллигенция, а нынешнее начальство с его пособниками повинны, что выбор столь жестоко определился. Он действительно определился, отступить честному человеку некуда. Лишь ежеминутно отстаивая себя, отвечая на удары, сберегая инициативу, можно соблюсти свою честь и достоинство, свой ум и свое сердце.

Так думают или, по крайней мере, чувствуют многие: не могут не думать и не чувствовать.

Конечно, при нынешних обстоятельствах, при тяжести

продолж. со стр. 226 - социальным статусом, ни дипломами, выдаваемыми советскими учреждениями. Интеллигентность - это такое качество, которое можно не только приобрести, но и потерять.

жертв, которые приходится взваливать на себя, при непрочности к тому же духовных ценностей в людях, число честных интеллигентов будет сокращаться. Но сила интеллигенции, сила культуры - не в количестве, а в качестве. А, кроме того, на смену сбежавших, наверное, придут новые.

Конфликт перенесен в самые основоначала нравственности. Сущность его не прикрыта более идеологическим мифом (как было в сталинские времена), не перепутана превходящими обстоятельствами. Сегодня в наших условиях - не различить правду от лжи может только скотская бездарь. Точно также не ощутить ныне, в чем социальное зло - значит начисто не владеть нравственными представлениями. Изначальные гуманитарные ценности - истина, добро - обнажились. Они хорошо различимы сегодня хотя бы потому, что режим в целом не в силах даже притворно притязать на причастность к ним. Духу он способен противопоставить только кулак, чем лишь подчеркивает невозможность для себя противоборствовать ему духовно. И когда-нибудь примеры из нашего времени станут хрестоматийны для воспитания хороших детей.

В духовной ясности сложившейся ситуации, в непрерываемости и недвусмысленности предлагаемого ею выбора - коренная слабость режима и источник, щедро питающий противостоящие ему умонастроения.

Однако ясность эта может не только содействовать умственной зоркости, но и ослеплять. Резкое, без оттенков разделение воспринимаемого нами мира на белое и черное - разделение, производимое сейчас в нашей стране как бы самой историей, дотставшееся нам почти без собственных умственных усилий, - дает лишь грубо приблизительные ориентиры. С этим нечего было бы делать, например, большому художнику.

Вы становитесь свидетелем рассчитанного на безнаказанность хулиганства или своекорыстного лганья, способного замутив лишь девственно нетронутые мозги. Вмешаться, протестовать, сказать правду, пренебрегая

опасностью для себя лично, - тут первый и естественный позыв. Было бы подло осуждать кого-то за подобные импульсивные действия. В наших обстоятельствах к ним рано или поздно вынуждается в той или иной форме любой человек, если он просто честен. Такие действия пробивают брешь в показном общественном единомыслии, а потому чрезвычайно важны для нравственного оздоровления. Но все же нельзя не отметить, что та легкость, с которой находится при этом безукоризненная линия поведения, может способствовать умственной лености. Этим недугом и по той же причине, как хорошо известно, издавна страдала русская интеллигенция. Плакатная наглядность творимого на наших глазах зла рождает абстрактность и, соответственно, неполноту добра.

Гадость, подлость и глупость окружающего вызывает не только нетерпеливый вопрос: "Долго ли этому быть?", но и произвольное предчувствие, что "это" - пальцем тронь, развалится. Тогда основой нравственного поведения становится ничем, в сущности, не оправданный социальный оптимизм, вызванный всего лишь неточным нравственным суждением, но не разумным анализом ситуации. Но, вновь и вновь наталкиваясь на удручающие факты, такой оптимизм нередко переходит в глухой пессимизм, стирающий различие между добром и злом. Ибо между добром и злом, между честным и бесчестным поступком, действительно не было бы разницы, если бы одно лишь зло всегда, везде и во всех отношениях торжествовало.

Вопрос об отношении истины и добра к истории, об их роли нами даже не поставлен, хотя на размышления об этом наталкивает, казалось бы, сама ситуация, в которой мы оказались. В сущности, интеллигенция наша бессознательно придерживается в этом вопросе полностью опровергнутых опытом просветительских идей, уповающих на силу убеждения и пропаганды. Совершенно не берется в расчет как созидательная, так и разрушительная сила иррациональных начал истории, хотя мы на каждом шагу видим, как и режим в целом, так и отдельные индивидуумы поступают наперекор разуму.

Немногим, наверное, удалось избежать обязанности сдавать экзамены на благонадежность: обществоведение ли, историю ли партии, марксизм-ленинизм и т.д. Приходилось, вероятно, каждому присутствовать на соответствующих семинарах и лекциях, слушать или даже произносить доклады. Книжки, которые мы читали, газеты, которые мы просматривали, даже произведения искусства, с которыми мы общались, - все они по большей части преисполнены марксистского духа или подобраны так, чтобы этому духу не особенно противоречить. Материализм стал той атмосферой, в которой протекало интеллектуальное созревание большинства из нас. Это оказывалось тем более тотально, что мы были десятилетиями отрезаны от противоречащих материализму и опровергающих материализм философских мировоззрений.

Это следует в полную меру учесть и помнить за собою, ибо становление культуры, возрождение духовных ценностей возможно у нас сейчас лишь в противовес материализму. Существенно, разумеется, не пресловутое решение "основного вопроса философии" - что, де, первично, материя или дух? - а личностная, жизненная позиция, которая стоит за таким решением. Не тем важна для нас философия, что она умствует над проблемами, которые, в сущности, нас никак не затрагивают. А тем, что - осознанно или исподволь - она становится нашей натурой, диктует нам цели действий, предписывает средства, освящает то и другое смыслом.

Так вот, стоит только подойти к сложившейся у нас сейчас исторической ситуации с материалистическими мерками, как от нее повеет глухой безнадежностью. Если априорно признавать примат материального начала над духовным, то, естественно, духовное будет выглядеть беспомощным перед любой материальной силой. Тут и рассуждать нечего. И каждый раз, когда у нас опускаются руки, когда представляется, будто всякий протест бессмысленен, когда нами внезапно овладевает желание с полным комфортом плыть по течению, - это говорит в нас материалист, который волею самой истории превратился к 70-м годам в России в циника и шкурника.

Пресловутая апелляция к "реализму", столь полюбившаяся некоторым пор нашей дипломатии, каждому понятна. Она означает: "А то по морде дам!" При этом "реалистически мыслящий" человек должен смекнуть, что ведь и на самом деле не ровен час, а потому - поостеречься. И тот, кто угрожает, и тот, кто покорно угрозам внемлет, - оба, в сущности, материалисты. Они согласны между собою, по крайней мере, в одном: что ни право, ни справедливость, ни истина, ни красота никакого, абсолютно никакого значения против кулака не имеют. А потому, согласно материалистическому воззрению, неизбежна победа материально сильнеею. Да тут и побеждать нет нужды, ибо материальная сила признается и правом, и справедливостью, и истиной, и красотой, отождествляется с ними.

Конечно, я утрирую, но не настолько, чтобы вовсе погрешить против правды. С того момента, например, как Дубчек стал на "реалистическую" позицию, он уже фактически расчистил место для Гусака. "Реализм" - то бишь материализм - стал сейчас идейной предпосылкой всяческого коллаборационизма (так было, разумеется, не всегда). В любом материалисте, в той мере, в какой он исповедует материалистическое мировоззрение, сидит маленький Дубчек с неизбежными превращениями его в Гусака, Штроугала и других подобных. Для полной ясности приведенного примера надо только подчеркнуть, что позиция Дубчека была и до сих пор остается не вовсе материалистической, что, видимо, и помогает ему оставаться не вовсе овцой.

Пока не будет в полную меру осознано, что культура может быть не только средством, но и целью, пока не будет до конца осмыслена самоценность духа и духовность жизни, пока мы не поймем, что социальные обстоятельства приходят и уходят, а достижения человеческого свободного творчества остаются, что грубая физическая сила бессильна против истины, справедливости и красоты, наша собственная среда останется очень далека от идеала, даже от нормы. И, действительно, часто единственной скрепой, удерживающей нас в рамках порядочности, оказывается огульная мораль,

склонная утверждать стадные, косячные нормы поведения, которые уж никак не пристали людям, притязающим быть внутренне свободными. Наши моральные приговоры часто не бережны к личности, не уважают ее, не имеют желания посчитаться со сложностью индивидуальной обстановки, с неповторимостью каждого индивидуального случая. Оттого мы оказываемся иногда не в меру жестоки и судим о людях резче, чем они того заслуживают, как и наоборот. Европейская толерантность превращается у нас, бывают случаи, в российскую непристойную терпимость. Мания преследования, подозрительность, готовность в каждом признать стукача или, напротив, непростительное легкомыслие, нетребовательность к себе и ближним, болтливость, суетность, фрондерство - все это недуги, отнюдь не свидетельствующие о разработанности нашего нравственного потенциала.

Наши суждения о прошлом и настоящем, об истории мировой и российской, о ближнем будущем и более отдаленном не далеко ушли от пересудов пикейных жилетов, от слепорожденных суждений здравого смысла. Размываясь эмоциональными всплесками "оптимизма" и "пессимизма", о которых сейчас так много толкуют по интеллигентским квартирам, наше социальное видение не руководит нашими душевными состояниями, не контролирует их, а напротив, подвержено их перепадам. Слабость знания и сознания оборачивается недостаточностью здоровой мужественности.

Наш младенческий дух не всегда бывает на высоте бескомпромиссной жесткости ситуации, непререкаемости выбора. Младенец чист душой, но и наивен. Его устами глаголет истина, но только такая, для постижения которой достаточно непредвзятости. Он беден опытом, а потому дерзок и нетерпелив там, где нужен такт, или оказывается во власти страхов, когда бояться, собственно, нечего.

Наивной отвлеченности, неконкретности наших воззрений способствует также отсутствие прямой культурной традиции, на которую можно было бы опереться. Позади - десятилетия постыдного лакейства и капитулянтства так называемой

"советской интеллигенции". Вонючие отбросы былого душевного интеллектуального распада засоряют почву, которая должна прорасти новыми побегами. Они - не только в привычке к прямому или литературному доносительству, которыми пробавлялись целые поколения, но и в привычке материалистического философствования, слепого к непреходящей ценности всего духовного. Мировоззрение наше как бы от рождения уплощено, неглубоко, однолинейно. Символический язык обстоятельно развитой культуры остается для нас чужд. Сравнительно легко противопоставить себя всему этому нравственно, но гораздо труднее - интеллектуально.

Правда, в наш культурный обиход, несмотря на запретительные государственные мероприятия, входят имена Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Булгакова, Бердяева, но их мировосприятие все же остается для нас слишком сложным, слишком утонченным, не ухватывается как непосредственно наша собственная, личностная позиция. Увлечение даже Солженицыным нет-нет да и соскальзывает просто в моду.

Вокруг нас - обездуховленная, забывшая о совести, лишенная знания, задурманенная масса, не умеющая пока что хотя бы испытать отвращение к убийствам и мучительствам, царившим еще и при ныне живущих поколениях. Припертые состоявшимися уже разоблачениями, руководители наши что-то лепечут о досадных ошибках сталинского периода или заверяют, что не будут пересматривать решений каких-то там съездов. Они так далеко зашли и так душевно извратились, что и понять не в состоянии, насколько саморазоблачительны эти фразы об "ошибках" применительно к массовому уничтожению людей. Выходит, что убийство отдельного человека, совершенное отдельным человеком, должно наказываться со всей строгостью закона. А убийство сотен тысяч при злоупотреблении властью может будто бы проститься или смягчиться упоминаниями о каких-то заслугах. Тут ли не праведен гнев?

Но гнев, пусть даже праведный, замутняет или вовсе вытесняет спокойный анализ. Жажда немедленного и единовременного поступка сужает кругозор. Сопротивление насильникам и поклонникам насилия остается достаточно напористым, но действенным лишь наполовину - в сравнении с тем, что могло бы обеспечить всестороннее знание ситуации. Узость и мелкота наших собственных представлений об окружающей нас действительности уравнивает нас с ней, лишает наших главных преимуществ.

И вот потому-то необходимо, чтобы наперекор потугам насильников, мы не только сохранили бы нравственную чистоту, не замарались их делами, но и сберегли бы, развили бы нашу культуру. Культурное творчество должно стать положительным аспектом нашей борьбы. Нам нужно универсальное и доказательное знание, которое может быть добыто только усилиями многих, лишь путем тщательных экономических, исторических, социологических и при том вполне на уровне современной мировой науки исследований. Нам необходима собственная философия, которой пока что мы не имеем. Претворение богатств мировой культуры в наше собственное, внутреннее богатство - вот что нам нужно.

Нам скажут, наверное, что предложения наши достаточно утопичны, ибо круг действительно культурных людей в нашей стране невероятно узок, что народу чужды их устремления, что, оставаясь на почве культуры, они не найдут общего языка с обществом, не смогут повлиять на его развитие, не смогут противостоять бременю цензурных и других преследований. Но все эти возражения и предостережения мы принимаем в качестве предпосылок нашего анализа. Мы согласны: да, все обстоит именно так. Но мы спрашиваем далее: если все обстоит так, то значит ли это, что ничего нельзя делать, что ничего делать не нужно?

Гонители культуры все-таки знают, что они делают. Они чувствуют, что присутствие культуры в стране связывает им руки, вынуждает быть, по крайней мере, более осмотрительными, лишает их той самоуверенности, которая

побуждает поступать с истиной и миром как с аморфным куском глины. Нет никакой обязательной надобности, чтобы культура конституировалась в политическую партию и выдвигала единую программу социальных преобразований, за которую следует вести массы на баррикады. Такой способ действий противен природе культуры, а в нашей стране дал всем хорошо известные печальные плоды. Припомните: что оказывается нежелательным в культуре с точки зрения существующего режима? Тут и современные социологические концепции, и философские теории от Ницше до Камю, и Кафка, и Фрейд, и современная живопись, и атональная музыка, и драматургия Шекспира, в которой вдруг зазвучал со сцены "неконтролируемый подтекст", и Салтыков-Щедрин, и даже "Три сестры" Чехова в их новом прочтении. Невозможно и перечислить все то, что оказалось в мировой культуре неприемлемым для режима. И вот в развитие этого, неприемлемого для режима содержания культуры и должны вкладывать мы свои усилия. Что же тут невозможного, что же тут утопического?

Многое из ранней лирики Пушкина не только не было напечатано сразу, но и не предназначалось для печати. "Медный всадник" был напечатан только после смерти поэта. На наших глазах увидели свет некоторые отнюдь не безобидные стихи Пастернака из "Доктора Живаго", произведения, еще совсем недавно столь хамски ошельмованного. Не массовость распространения, не непосредственная популярность, а качество, глубина отклика на реальность обеспечивают культурным ценностям их конечную действенность. И это-то в конечном счете зависит только от нас самих!

Пусть создаваемые сейчас художественные и научные произведения встретят десять, двадцать, сто понимающих читателей. Если они того стоят, то в конечном счете все равно окажутся необходимым вкладом в духовное развитие страны, в ее историю. Так воскресает сейчас для жизни в веках загнанная было в глубокое подполье поэзия Мандельштама.

Едва ли история знает много примеров, когда даже

величайшим из деятелей культуры удавалось непосредственно повлиять на ход событий, чтобы повернуть их в лучшую сторону. И Платон оказался проданным в рабство, и Томасу Мору отрубили голову. Но кто посмеет утверждать, что культура в целом не оказала никакого влияния на судьбы человеческого мира? И на каком основании мы полагаем, что наша собственная деятельность должна дать скорый социальный результат, а в противном случае отказываемся вообще действовать?

Да, руки чешутся действовать и нельзя не действовать. Но "в начале было слово". Слово, мысль - вот первое дело, которое по логике вещей должно предшествовать остальным. Только так, но не наоборот. А то ведь мы с тяжелейшими жертвами боремся за свободу слова в нашей стране, но мало что при этом говорим интересного или твердим одно и то же.

Заметьте: вольно наше слово, которое сумело стать фактом общественной жизни только благодаря так называемому самиздату, в значительной своей части посвящается разоблачениям. Конечно, разоблачения прошлого необходимы как первая ступень пусть только негативного познания. Они необходимы и в самом насущном смысле, поскольку былые преступления пытаются замолчать, чтобы не лишиться возможности повторить их вновь. Конечно, разоблачение текущих беззаконий очень нужно хотя бы в целях самозащиты. Но разоблачать - это значит, вообще-то говоря, апеллировать к самоочевидности. Так вот, мы спрашиваем: все ли вокруг нас самоочевидно? Достаточно ли понята нами наша жизнь? Достаточно ли ясны для самих себя мы сами?

Режим, если отвлечься от суконных фраз, которыми он старается прикрыть свою наготу, держится на голом корыстолюбии. Его опора - множество никчемностей и бездарностей, определенно чувствующих, что при любой резкой перемене они лишатся своих кормушек. Но грубо материальный инстинкт исключает самоанализ, как и анализ ситуации. В нем есть только уверенность дикаря, который прочно убежден, что жрать других - хорошо, а когда его самого жрут - плохо.

Ничего подобного нет в нынешней оппозиции режиму. Она бескорыстна и духовна. Всей мощи пропагандистского аппарата, которой владеет режим, оказывается недостаточно, чтобы приписать ей хоть какой-то эгоистический интерес и, таким образом, принизить до себя. Именно духовность оппозиции оказывается той реальной силой, хотя она и невыразима в физических единицах, на которую режим наталкивается, как на стену, каждый раз, когда стремится ее уничтожить. Эта сила каждую победу режима делает пирровой, оборачивает ее потерей престижа и утратой еще одной доли идейной оправданности.

Но тем более оппозиция призвана разрабатывать, растить свою духовность. Она, в отличие от нахлебников режима, должна быть движима не инстинктом, - пусть даже "добрым", - а самосознанием. Рабству инстинкта она противопоставит свободу знания. Ибо свобода определяется не только соблюдением правовых установлений, которого мы справедливо добиваемся. Она важна лишь при развитом чувстве ответственности, когда наши действия непосредственно соотносятся с духовно всеобщим и воплощают его. Умение смотреть на самого себя и на окружающее с точки зрения всеобщего - это, пожалуй, главное отличие человека интеллигентного от невежды. Долгое время склонность к рефлексии и саморефлексии, готовность критически смотреть на самого себя и "копаться" в самом себе считалась едва ли не главным пороком интеллигента. Последствия этого антиинтеллигентского предрассудка известны. Он поставил целую страну на грань духовного маразма. Так стоит ли нам повторять пройденное?

Да, у нас нет выбора: сопротивляться ли уже сегодня или дожидаться лучших времен. Но сопротивление наше должно быть творческим, созидательным, а не просто отрицающим и стоящим на месте. Лучшие времена - внутри нас, если им вообще суждено наступить. Но именно потому мы не можем себе позволить притерпеться к бедности нашего духа. Даже если лучшие времена и не наступят (дали истории - потемки), то мы все же сделаем свое дело, внеся свой вклад в

отечественную и мировую культуру, претворив наше трагическое существование во всеобщность знания, опыта, формы. У нас есть что сказать миру. Нужно только найти в себе силу и мужество, и суровую трезвость, чтобы сказать это. Не столь страшно действовать и творить вопреки желаниям начальства, как смотреть на неприкрытую истину.

Лишь умирают в одиночку. Жить же нужно сообща, в общении, при взаимной поддержке - не одной только материальной и нравственной (это в какой-то мере имеется), но и интеллектуальной. В абсолюте, рассуждая философски, духовные потенции развитой человеческой личности неисчерпаемы, а ее воля несокрушима. На самом же деле, в реальности, каждый нуждается в духовной среде, в культуре, которая бы его питала. Через любые препоны, заслоны, застенки проникает теплота человеческого участия, если оно не подавлено, не пущено по ветру. Мужественное поведение многих политических заключенных новой формации, с которыми неожиданно для себя столкнулся режим, - не только их святая личная заслуга, но также и выражение той высокой нравственной атмосферы, которая уже стала фактом нашего существования. Но еще благодетельнее, когда, вместе с участием, люди обмениваются и богатством добытых ими идей. Если этого нет, бунт одиночки невольно возбуждается до истерии и затухает.

Нас стараются разрознить, расколоть, обособить друг от друга давлением силы, цензурой и ложью. Господствующая идеология практически обрекает людей на своего рода публичное одиночество, потому что в ней нет, в сущности, ничего, что способствовало бы или могло бы стать предметом духовного обмена. А ответом нашим может быть только единение - не организованное, не партийное, не внешнее, а духовное, внутреннее, - единство, которое не исключало бы, а, напротив, предполагало разнообразие идей, позиций, интересов и темпераментов. Такое единство и зовется культурой.

Бескультурию режима мы противопоставим культуру.

А потому на извечный российский вопрос: "Что делать?" - следует ответить так: "Думать!"

Лето 1970 года

BORIS SHRAGIN
The
Challenge
of the Spirit

*Translated from the Russian
by P. S. Falla*

ALFRED A. KNOPP
NEW YORK
1978